

ВОСПОМИНАНИЯ дочери поэта Лии Лившиц

Мой отец был историком и литератором. Но, пожалуй, больше поэтом, ведь поэзия — это своеобразный образ мышления, это состояние души.

Отец был родом из Сибири. Родился в 1911 году в маленьком сибирском городке Каинске (позднее Куйбышев) Новосибирской области. Но жизнь его, в основном, была связана с Томском, где с 1929 года жила его семья: отец Лев Лазаревич Лившиц, мать Лея Моисеевна и четверо сыновей-сорванцов, из которых мой папа был старшим. Дедушка, Лев Лазаревич, был известным в городе врачом-стоматологом, а бабушка, Лея Моисеевна, вела домашнее хозяйство. Будучи очень одаренным и высоко духовным человеком, она видела свое предназначение в революционной деятельности: ходила в кружок Куйбышева, доставала одежду для бежавших с каторги революционеров. В одном из своих стихотворений она писала:

Тоска, тоска, не становись
Преградой мрачной и холодной.
Хочу я видеть жизнь свободной
И слышу крик души: борись!

Вот в такой атмосфере формировался характер отца. Он вырос честным, целеустремленным, сильным — и духовно и физически, и нетерпимым ко всякого рода несправедливости. Он всегда вступался за слабых, умел здорово драться — и в то же время был большой романтик.

Давид Львович был человеком энциклопедически образованным. Чтение было его любимым занятием — кроме стихов, конечно, которые он писал везде: в автобусе, метро, даже во сне. Будучи студентом МИФЛИ, он тратил иногда чуть ли не всю стипендию на книги, особенно редкие, антикварные. Учился хорошо, и хотя почти год провоевал на Халхин-Голе (1939), успел по возвращении сдать все экзамены и благополучно перейти на следующий курс.

Уже на 1-ом курсе он женился на студентке Московского государственного педагогического института иностранных языков, москвичке Иде Либкинд. В детстве она жила с родителями в Каинске, и папа всегда говорил, что влюбился в маму еще тогда. Жили они в студенческом общежитии, и через год (на 2-ом курсе) у них родилась дочь Злата. Это именно ей папа посвятил свое замечательное фронтовое стихотворение «Рисунок». Надо сказать, письма от него с фронта часто приходили в стихах («Прощай, любимая!», «В землянке», «Тебе»), и одно из них, «Дочурке», он посвятил младшей дочери, то есть мне.

Когда началась война, отец тяжело переживал первые неудачи нашей армии и буквально обивал пороги военкомата, рвался на фронт. Повестка пришла в феврале 1942 года. Воевал папа на Волховском фронте в составе 191-й Краснознаменной Сибирской дивизии. С ней прошел всю войну. Был командиром взвода, командовал ротой и как-то вывел ее из окружения (за что получил орден Красной Звезды), затем командование перевело его в штаб дивизии. Он стал заместителем начальника оперативного отдела штаба дивизии и одновременно секретарем дивизионной газеты. Был участником боёв под Тихвином, Пулковом, Новгородом, Лугой. Защищал осажденный Ленинград, воевал в Латвии, Эстонии, Польше, Восточной Пруссии. Был дважды ранен и дважды контужен. После второго ранения и контузии попросился в дивизионную газету «Знамя», стал военным корреспондентом, описывал в стихах и прозе подвиги однополчан, вел историю своей дивизии. После войны папа бережно хранил фотоальбомы, сделанные им на фронте, а также стихи и очерки о подвигах однополчан. Все это и личные фронтовые вещи после его смерти мы передали в Музей боевой славы г. Чебаркуль, на Урал, где формировалась дивизия.

После войны отец вернулся в Томск, в родную Сибирь:

Зовут меня друзья-однополчане
Кто на Кавказ, кто в Крым, кто в Сталинград,
А я, влюбленный в утренние рани, в свою Сибирь,
В свой край вернуться рад.

В Томске папе дали, как фронтовику, комнату в старом деревянном доме по улице Батенькова, 22 квадратных метра на четверых. Большую часть комнаты занимала печка. Все удобства — во дворе. А папину уникальную для того времени библиотеку пришлось разместить в

старом сундуку, в коридоре. Но мы были счастливы. В комиссионке по дешёвке приобрели старую мебель. Мама не работала, так как я была маленькая и постоянно болела. А папа работал в двух местах: в университете и в пединституте, преподавал историю СССР, историю средних веков. Он был и руководителем литкружка в ТГУ, и директором областного лекционного бюро. Времени на стихи оставалось мало, но он был полон энергии и творческих замыслов, готовил к изданию первый сборник стихов. По выходным усаживал меня на колени, и мы вместе сочиняли детские стишки. Это было счастливое время. По радио часто передавали его стихи, их печатали в газетах и журналах.

Папа был очень общительным человеком, с ним всегда было интересно, и люди тянулись к нему. К нам «на огонек» часто заходили друзья, товарищи папы, которых у нас всегда радушно принимали. Отец умел расположить к себе людей. Ему, страстному книголюбу, симпатизировали продавщицы всех книжных магазинов Томска. Он был внимательным и отзывчивым, за что его все уважали.

В конце сороковых — начале пятидесятых годов в стране (Томск не был исключением) началась кампания по борьбе с космополитизмом. На невинных людей фабриковали дела и те уходили в небытие. Такого рода дело было сфабриковано и на отца, началась травля. Он был арестован, осужден на 10 лет по статье 58-10 и сослан в «Озерлаг», где 5 лет строил дорогу Абакан-Тайшет. Там был ранен. Охранник выстрелил в папу — ему показалось, он слишком близко подошел к забору лагеря, а он всего лишь залюбовался окружающим лагерь лесом.

Так появилось стихотворение «Молодая ёлочка — модница лесная...».

В годы репрессий семья наша сильно бедствовала. Мама уже работала в университете, преподавала английский язык на кафедре иностранных языков и половину зарплаты тратила на ежемесячные посылки в Озерлаг. Отправляла папе теплые вещи, сухари, сахар, сало, папиросы, консервы. Но как потом выяснилось, ни одной посылки папа не получил. Было тяжело и в моральном плане, ведь на нас смотрели как на врагов народа. Сестру Злату не хотели принимать в комсомол, а на выпускных экзаменах «срезали» с медали, которую она, лучшая ученица класса, должна была получить по праву.

После смерти Сталина, в 1955 году отец, уже неизлечимо больной, вернулся в Томск. Через три года пришла реабилитация, маленький лаконичный документ о том, что дело его «прекращено за отсутствием состава преступления». Папу восстановили в партии. Никогда не забуду, как он плакал, когда ему вернули партбилет. Позднее я прочла у ленинградки Ольги Бергольц:

И я всё жизнь свою припоминала,
И всё припоминала жизнь моя
Тот год, когда со дна морей, с каналов
Вдруг возвращаться начали друзья.
Зачем скрывать? Их возвращалось мало:
Семнадцать лет — всегда семнадцать лет.
Но те, кто возвращались, шли сначала
Чтоб получить свой старый партбилет.
Я не добавлю к этому ни слова,
Ни вздоха даже, заново живем.
Ну, что ж еще? Товарищ, дай мне руку,
Как хорошо, что мы опять вдвоем!

Все эти три года до реабилитации папу нигде не брали на работу, и наша семья жила на одну мамину зарплату. Отец считал, что он не в праве хорошо питаться, и маме приходилось придумывать всякие хитрости, чтобы его накормить. Зная о приближавшемся конце, он готовил к изданию новый сборник стихов, торопился с постановкой своей пьесы в стихах «Университетская роща», написал пьесу в прозе. «Университетская роща» была поставлена в Томском драматическом театре в 1962 году. Это была первая пьеса, полная жизнеутверждающих стихов о томском студенчестве. Ее успех в Томске и других городах Сибири был просто потрясающим.

Свою вторую пьесу «Девиз Эскулапа» отец написал перед смертью, когда держался на морфии, чтобы хоть немного отвлечься от нечеловеческих страданий, которые выпали на его долю после нескольких операций, облучения и химиотерапии. Однажды, когда у отца началось сильное кровотечение, он сказал мне: «Иди, поставь «Аве-Марию» Шуберта, если уж помирать — так с

музыкой». Обливаясь слезами, я поставила пластинку с его любимым произведением, а потом вызвала «скорую».

Отец скончался 28 февраля 1964 года. В тот вьюжный, холодный день проститься с ним пришло много людей. Особенно мне запомнился маленького роста китаец. Он был точильщик — ходил по дворам, точил за мизерную плату ножи, ножницы и другие предметы домашней утвари. Китаец подошел к гробу, встал на колени и низко-низко поклонился.

После смерти папы власти сделали всё, чтобы нашумевшая в Томске трагедия поскорее забылась, и потому его вторая пьеса так и не была поставлена.